

**ВИКТОР
ТОЧИЛОВ**

ГЕОРГИЕВСКИЙ КРЕСТ

Виктор Павлович Точинов

Георгиевский крест

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48517516

Аннотация

В результате генетических экспериментов улицы патрулируют крокодилы-полицейские, а чиновниками трудятся обезьяны, – и те, и другие не берут взятку и назубок знают все законы. Лишь люди остались прежними, со всеми своими слабостями, и не всем нравится то, что происходит... Некоторые берутся за оружие и выходят на неравный поединок с Системой. Одиночки. Драконоборцы. Св. Георгии нового времени...

Содержание

1. По улицам ходила большая крокодила	4
2. Лишь того, кто любит труд, негром в Африку возьмут	14
3. Смело, товарищи, в ногу, духом окрепнем в борьбе	25
4. Мартышка к старости слаба мозгами стала	32
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Виктор Точинов

Георгиевский крест

– Скажи, Остин, как там, в будущем?

– Ну-у... У всех летающие машины... Обед и ужин эжем в виде таблеток... А Землей правят злые вонючие обезьяны.

Старый фильм

1. По улицам ходила большая крокодила

На набережной Мойки, на тротуаре, тянущемся вдоль парапета, пятеро парней – в зеленых платках, прикрывающих нижнюю часть лица до глаз, в низко надвинутых кепках – били ногами человека в одежде православного священника. Вернее, пинали четверо, а пятый фиксировал процесс на видео, заходя с разных ракурсов. Он же время от времени бросал взгляды по сторонам: не помешает ли кто развлечению?

Никто не мешал.

Хотя зрители были... Не толпа, скорее кучка, человек семь-восемь, но к ней время от времени присоединялись новые прохожие. Держались они в благоразумном отдалении, на другом тротуаре, у домов. Трое снимали происходя-

щее на мобильные телефоны, остальные наблюдали, изредка негромко комментировали.

Егор с неприязнью подумал, что когда-то весьма активно призывали «Не проходите мимо!» Мимо таких вот ситуаций не проходите, разумеется... Допризывались. Не проходят.

И в самом деле, ни один мимо не проходил. Кучка зевак на тротуаре росла.

Значит, нельзя проходить и ему. Камеры наблюдения натканы всюду, особенно здесь, в центре, – мертвых зон почти нет. Но толку от всей машинерии ноль, если не знать, за кем имеет смысл наблюдать. Запись с этой камеры будут изучать придирчиво, и лучший способ угодить под колпак – вести себя не так, как все: бежать, когда другие стоят, или стоять, когда другие бегут, или шагать мимо, когда другие глазают на расправу.

Избиение продолжалось, но стало менее зрелищным. Жертва уже не пыталась подняться на ноги. И прикрыться руками от ударов уже не пыталась...

Егор занял место среди зевак.

– Фейк, – комментировал негромкий, хорошо поставленный, прямо-таки лекторский баритон. – Постановка. Ни один поп фелонь поверх рясы не натянет. И уж тем более диаконским орарем не подпояшется... Им вообще не подпоясываются.

– Да не, натурально корчится... – возразил молодой ломающийся тенорок. – И кровищи-то, кровищи... Походу все-

ррез всё.

– Баночника поймали, да силком обрядили... – предположил женский голос, полный откровенной неприязни; неясно, правда, к кому эта неприязнь относилась – к баночнику, или к поймавшим и обрядившим его, или вообще ко всему на свете.

– Не похож, сытый на вид. И чистый... В смысле, был совсем недавно.

Егор перестал вслушиваться. Мерзко.

Удары по неподвижному окровавленному телу прекратились. Снимавшие на мобильники – двое из троих – решили, что ничего интересного уже не произойдет. И поспешили прочь, в разные стороны: один к Сенной, другой к пешеходному мостику. Оба на ходу продолжали нажимать клавиши, наверняка оперативно выкладывая ролики в Сеть. Тут кто первым успел, тот и собрал львиную долю просмотров.

Третий сам себе режиссер продолжил снимать. И не ошибся, кое-что интересное еще предстояло. Экзекуция вступила в новую фазу. В завершающую. Один из парней достал из кармана шнур, нагнулся, подсунул под голову жертвы... Скрестил концы шнура, намотал вокруг ладоней, явно прилаживаясь закончить дело. Удавить, проще говоря.

Кто-то в небольшой толпе охнул.

Кто-то отвернулся.

Кто-то сказал – повысив голос так, чтобы пятеро услышали – что полиция уже вызвана и вот-вот появится. Это он

зря конечно, подумал Егор. Здесь пешеходная зона, что для полицейской машины, разумеется, не помеха. Но со стороны Сенной не подъехать, все перекопано, а пока доберутся дальним объездом, можно удавить священника, или кто он там, не торопясь, с перекурами, – и смыться по пешеходному мостику, где машина не протиснется... Место для экзекуции пятерка выбрала с умом.

Но раз полиция вызвана, за трансляцией с места событий сейчас наблюдают вживую. А потом многократно просмотрят в записи.

Парень с веревкой вызванной полицией не испугался. И потянул концы удавки в разные стороны.

Не то священник, не то ряженный баночник ожил. Мотнул головой, впился зубами в руку своего палача.

Парень заорал. Дергал рукой, голова ряженого билась о тротуар с мерзким хрустким звуком, но зубы не разжимались. Остальные бросились на помощь, лупили остервенело, уже не красуясь для камеры, не принимая киногоеничные позы. Толкались, мешали друг другу. Тоже что-то орали, неразборчивое, да и крики укушенного, вопившего на порядок громче, не позволяли ничего толком расслышать.

– Вы ведете себя не толерантно, – прозвучал механический голос, лишенный интонаций.

Вроде и негромко прозвучал, но совершенно в иной тональности, – и как-то удивительно легко перекрыл саундтрек избиения.

– Ваши действия классифицируются по статье семнадцать Федерального закона «О нахождении в общественных местах», статье сто одиннадцать часть вторая Уголовного Кодекса Российской Федерации в редакции от... – продолжал тот же голос.

Голос стал громче и раздавался снизу, от Мойки, – неподалеку как раз имелась лестница, спускавшаяся к воде. Полицейский катер, решил Егор. Эти посудины с электроводометами двигаются бесшумно, скользят по воде бело-синими призраками...

Пятеро, войдя в раж, ничего не услышали. Но зрители – а набралось к тому моменту уже десятка полтора зевак – всё поняли и быстро стали рассасываться.

Пошагал прочь и Егор. Сделав несколько шагов, все же бросил взгляд назад. И сбился с ноги. Над верхними ступенями спуска показалась голова крокодила, а затем и туловище, поднималась рептилия быстро. Со шкуры скатывались струйки воды, – значит, никакого катера внизу не было.

Гребенчатый... Гребенчатый, мать твою! Они же не могут, когда меньше восемнадцати градусов... Значит, теперь могут... Уже могут.

Полицейская форма крокодилу не полагалась, надпись «полиция» и личный номер красовалась прямо на брюхе, нанесенные белой краской. Да и глупо как-то рассекать вплавь реки и каналы Северной Венеции в намокшем мундире.

Надо досмотреть, решил Егор. Он никогда не видел гре-

бенчатого в деле. Лишь слухи доходили, и самые паршивые слухи... Досмотрит. Будь что будет, начнут пасти, – значит, судьба такая. Оторвется, не впервой.

Но какая махина... Центнеров шесть, а то и все семь.

Шагала рептилия на задних лапах, однако звания прямоходящей не заслуживала – туша склонилась вперед, могучий хвост играл роль балансира. Все снаряжение гребенчатого крепилось на спине, на ремне, перетянувшем условную талию, и на двух португепях. И оттуда, из-за спины, доносился мертвый голос динамика, перечисляющий статьи, параграфы, пункты и подпункты.

Как ни были увлечены нарушители статей и параграфов своим занятием, все же слышали монотонную речь. Вернее, услышал один, крикнул друзьям. Остальные подняли головы и тотчас же увидели крокодила, как раз шагнувшего на тротуар.

Реагировали на увиденное все пятеро по-разному... Двое – те, что стояли ближе к проезжей части – после секундного оцепенения развернулись, явно намереваясь выдать рекордный спринтерский забег с высокого старта. Еще один вжался спиной в парапет, смотрел испуганно – ему наверняка тоже страстно хотелось дать деру. Но гребенчатый почти перекрывал парню дорогу, проскочить надо было рядом с зубастой пастью.

Четвертый участник расправы, тот самый, укушенный, – оказался полным, по мнению Егора, тормозом. Руку из зубов

жертвы он сумел-таки выдрать, и теперь пылал жадной мщени-
ния. Пылал и мстил, не откладывая. Кушал блюдо горячим.

Уже после предостерегающего крика он нанес удар, замах-
нулся для второго... И тут увидел крокодила, застыл с отве-
денной назад ногой. Полное впечатление, что ему хотелось и
побежать, и пнуть, – и он никак не мог сообразить, чего же
ему хочется сильнее.

Последний из пятерки реакцией обладал неплохой. Об-
становку оценил сразу: и ему гребенчатый перекрыл путь
для бегства. И парень выдернул из-под куртки оружие. Лов-
ко выдернул, для дилетанта даже очень быстро.

Дальнейшее разглядеть в деталях оказалось непросто. Все
произошло за один миг.

Только что все шестеро были на ногах – пять человек и
одна рептилия. Миг – и трое оказались на асфальте, сбитые
ударом огромного хвоста: «тормоз» и наладившиеся бежать.
А еще на асфальте лежал «макаров». И кисть руки, ровнень-
ко отхваченная точно по суставу. Запястье парня, наоборот,
оказалось располосовано, мышцы повисли лохмотьями, бе-
лел обломок кости. Кровь пока не текла.

Гребенчатый застыл неподвижно. Словно не он только что
провел мгновенную ампутацию без наркоза.

– ...в трактовке, подтвержденной решением Конституци-
онного Суда Российской Федерации от второго марта теку-
щего года, – закончил динамик и смолк.

Тишина стояла мертвая. Даже лишившийся руки не из-

давал ни звука. Хотя рот его распахнулся, и губы круглились все шире, – казалось, кожа сейчас лопнет в уголках рта, брызнут капельки крови...

Вместо этого кровь брызнула из культи. Сначала лишь брызнула, но тут же хлынула струей, обильно пятная тротуар, и без того густо залитый красным.

Парень осел назад. Приземлился на пятую точку, так и не закричав. Платок, свалившийся с его лица, висел на шее на манер детского слюнявчика.

Гребенчатый шагнул вперед. Наклонил туловище, уставившись неподвижными зрачками на истекавшего кровью человека.

И тут покалеченный парень сумел удивить... Не крокодила, тот не умел удивляться, – Егора.

Левая уцелевшая рука поползла к валявшемуся рядом оружию. Вполне осознанным и целенаправленным движением.

Гребенчатый не двигался. Казался оцепеневшим, внезапно вспомнившим, что при температуре воздуха ниже восемнадцати градусов подвижным ему быть не полагается.

Сбитая с ног троица ворочалась, пытаясь встать, – не получалось. Похоже, у всех троих переломы. Один из них застонал, негромко, протяжно, на одной ноте.

Оставшийся на месте и на ногах окаменел, стал частью гранитного парапета, – горельефом, символизирующим всепоглощающий ужас.

Пятый истекал кровью, но упрямо тянулся к своей пушке.

Егор понял, что происходит. И что произойдет вскоре, как только видеорегистратор крокодила зафиксирует прикосновение к оружию, понял тоже.

Но решил досмотреть до конца. Засветился он и без того дальше некуда, из всех зевак единственный остался на месте. Торчит, как одинокий клоп на белой простыне. Так что терять особо нечего...

Все произошло как в первый раз, столь же стремительно. Едва пальцы парня коснулись пистолета, голова и все туловище крокодила метнулись вперед – смазанным, едва различимым движением. Пасть открылась, закрылась, резко дернулась в сторону – всё за доли секунды.

Обезглавленное тело завалилось набок. Ноги дергались, скребли по асфальту. Егор пошагал прочь. И не обернулся, чтобы посмотреть, кто там истошно, пронзительно завопил, – один их сбитых с ног или оживший гранитный рельеф.

Слухи не ввали. Гребенчатый был хорош... Егор не представлял, сумел бы он уцелеть или нет, окажись на месте парня с «макаровым». Нет, он никогда бы так нелепо не подставился, не прохлопал бы появление крокодила, но все же... В любом случае не стал бы глупить, вытаскивая ствол в непосредственной близости от противника. Попытался бы вскочить на парапет, достаточно широкий, увеличить дистанцию, а уж затем хвататься за оружие. А вот успел бы или нет

– вопрос спорный.

Реакция у твари оказалась именно такой, как рассказывали. Молниеносной. Хотелось бы взглянуть и на живучесть... Жаль, что парень не успел выстрелить.

Через сотню шагов он бросил взгляд назад. Рептилия молчала башкой, с зубов свисала застрявшая тряпка. Зеленый платок (теперь – красно-зеленый), не так давно прикрывавший лицо. Вытащить его у гребенчатого лапы оказались коротки.

На том берегу виднелись характерные силуэты двух кайманов-патрульных, спешивших к месту происшествия и уже подходивших к мостику. Издалека доносился вой полицейской сирены.

Егор ускорил шаг, но не слишком. Его, конечно же, зацепили, но пасут пока без тщания... Перейти на бег – значит тут же подогреть градус интереса к своей особе.

Но все равно надо отрываться сразу, при первой возможности.

2. Лишь того, кто любит труд, негром в Африку возьмут

Если спросить: где живет человек, на голову которому сваливается кокос, а затем он (человек, не кокос) отправляется охотиться на бабуина? – ответы возможны разные, но локализованные в пределах Черного континента. Мы живем на Занзибаре, в Калахари и Сахаре, на зеленой Лимпопо, где гуляет гиппопо...

Или называть континент Черным неполиткорректно? Кружилин не знал. Он жил не в Африке, – в Питере, на Звездной улице. Тем не менее кокосовый орех совершил жесткую посадку именно на его череп. И предстояла дурацкая охота на дурацкую обезьяну.

Кокос на голову, кстати, Кружилин тоже схлопотал из-за них. Из-за охоты и обезьяны. Утром в темноте запиликал будильник смарта – назойливо, как комар над ухом спящего. Он пошарил рукой у кровати, ничего не нащупал, и на тумбочке не нащупал, и на столе...

Писк доносился откуда-то сверху. Кружилин, стряхивая остатки сна, вспомнил, что положил смарт на шкаф, – чтобы не отключить, не заснуть снова, водился за ним такой грешок, когда приходилось вставать раньше привычного. На службу он просыпался сам, без будильников, минута в ми-

нугу.

Приподнялся на цыпочки, стал нашаривать противно звучащий прибор, – а вместо него зацепил кокос. Тот покатился, ну и... Ладно хоть недолго летел в свободном падении и не успел набрать приличный разгон до контакта с кружилинской головой. Но все равно приятного мало.

Кокос давным-давно привез из Гвинеи дедушка Кружилина. В те времена советские люди крайне редко попадали в Африку и ездили не туристами, – исключительно в служебные командировки. Вот и дедушка сподобился там что-то строить, и обучал строительному делу аборигенов. А поскольку кокосы в Союзе не изобиловали и даже изредка в продаже не встречались, дедуля по возвращении вместе с другими африканскими диковинками привез заморский орех. Не на еду, в качестве сувенира. Теперь кокосы грудями лежали в любом супермаркете, и Кружилин убрал сувенир с глаз подальше, выбросить рука не поднялась, все-таки память о дедушке и вообще о прошлом, о легендарных былых временах.

Но прошлое умеет мстить. И это не фигура речи, – бьет, и больно... Прямо по голове.

Жил он один, и холостяцкий завтрак не затянулся: Кружилин включил кофеварку, затем помедитировал перед открытым холодильником, соображая, что бы разогреть в микроволновке... В результате ограничился чашечкой кофе. Желудок явно не услышал писк смарта и продолжил дрыхнуть

– вид продуктов вызывал лишь желание побыстрее захлопнуть белую дверцу.

Если день с утра не заладился, то и дальше пойдет наперекосьяк. Примета верная. Сработала и сейчас – на Витебском Кружилин влетел в пробку. С чего бы в такое время? Сзади подъезжали новые машины, взяв кружилинский «скаут» в плотную коробочку.

Минута ожидания, вторая, третья... «Тойота», стоящая впереди, тронулась, медленно прокатила метра три, снова издевательски зажгла стоп-сигналы. Кружилин круто вывернул руль вправо, благо находился в крайнем ряду, заполз правыми колесами на газон, перевалив невысокий поребрик. Дернул машину вперед-назад, еще дальше убирая с проезжей части. Короче говоря, припарковался, – аккуратно рядом со знаком, запрещающим такие действия. Не беда, заявятся эвакуаторы, увидят номер Управления, – и отправятся искать другую добычу.

Кружилин решил отправиться в Павловск поездом, до станции Купчино он не доехал несколько сотен метров. Если повезет с расписанием, можно успеть, электричкой езды тут минут двадцать, не больше... А выехал он с запасом.

Проходя через развязку с Дунайским, увидел причину пробки – большегрузная фура столкнулась с «паджеро», перекрыв три полосы из четырех.

Кружилин мысленно высказал несколько пожеланий в адрес водителя фуры, в адрес водителя джипа, в адрес соб-

ственного начальства, затеявшего ни свет ни заря охоту на бабуина, в адрес бабуина, избравшего для обитания парковый массив площадью в полтысячи с лишним гектаров... Кокосу тоже досталась пара ласковых.

Разумеется, он опоздал. Электричка ушла из-под носа, следующая подъехала через четверть часа... Стоило ожидать.

За опоздание никто не попрекнул. Даже внимания никто не обратил. Три служебных автобуса, подвозившие в Павловск сотрудников, живших недалеко от Управления, добрались до места сбора еще позже Кружилина. Тоже пробирались через пробки, хоть и ехали другой дорогой.

Разглядывая собравшихся, Кружилин удивился. Ни одного сержанта, да и лейтенантов лишь двое. А в основном капитаны да майоры, даже подполковники попадаются... Что за странное сафари лишь для старших офицеров?

Наконец подъехали автобусы. И с вновь прибывшими та же картина – лейтенантов и сержантов нет. Хотя, конечно, ныне почти на половине сержантских должностей кайманы с аллигаторами, все равно странно.

Среди высаживавшихся нашлись ребята с их этажа, и даже из отдела. Но Кружилин обратился с расспросами не к ним, а к Толику Спицыну, одному из двух лейтенантов, почтенных начальственным доверием и удостоенных участия в охоте. Тот был человеком на редкость общительным, знакомых имел во всех подразделениях Управления и всегда знал

хоть чуть-чуть, но больше других.

– Дело государственное, старики! – сказал Толик, настаивательно подняв палец. – Вон там знаете что за халупы стоят?

За полуоблетевшими деревьями смутно виднелось нечто псевдорусское, бревенчатое, – так, наверное, представляют режиссеры исторических фильмов боярский терем с надворными постройками.

– Любимая ресторация Самого! – сообщил Спицын, не дожидаясь ответа на риторический вопрос. – Еще с питерского его житья... И нынешние шишки городские сюда заезжают нередко. И приехавших московских зазывают. Чтобы, значит, отметить, и как бы приобщиться... И вот, значит...

Закончить Толику не удалось. Началось построение, перекличка прибывших, разбивка на группы, все сопровождалось суетой и неразберихой. Начальство, похоже, и само мало что понимало: приказания звучали зачастую противоречивые.

Помаленьку все устаканилось, группы начали уходить с небольшой полукруглой площадки, засыпанной утрамбованным крупным песком. Располагалась площадка возле ворот главного входа в Павловский парк, и Кружилин понадеялся, что их поведут внутрь, давненько здесь не бывал, а ведь в молодости часто гонял сюда, и в компании парней, и вдвоем с девицами доводилось гулять такими вот осенними днями по аллеям, усыпанным золотыми листьями... Неплохо б гля-

нуть на знакомые пейзажи, вспомнить юность.

Но в парк их группу не повели, нестройная колонна – примерно взвод по численности – пошагала вдоль ограды. Предварительного инструктажа не проводили, оружие не раздавали. . . И ничего другого, способного сойти за орудия охоты, не раздавали. Кружилин все меньше и меньше понимал суть и смысл происходившего.

И Толика было не расспросить, тот угодил в другую группу.

Пока шли, Кружилин перемолвился парой слов с коллегами по отделу. Но и они ничего толком не знали. Паша по прозвищу Дикобраз вообще не заморачивался, его гораздо больше заботила дилемма: обеспечат их горячей пищей или придется давиться сухим пайком? Поразмыслив немного вслух над своей дилеммой, Дикобраз пришел к выводу: могут вообще ничего не дать, с начальства станется.

Аппетит Кружилина от дикобразовых слов проснулся, встрепенулся и намекнул хозяину, что пришло время завтрака. Кружилин вздохнул и посмотрел с надеждой на второго своего коллегу, майора Проничева. У того карманы камуфляжной куртки топырились, чем-то набитые. Бутерброды, наверное, или что-то еще съедобное. Мадам Проничева, похоже, харчами снабдила майора с запасом, поделится. . .

Топали, топали и притопали в Тярлево. Там, на входе в поселок, тоже кучковался служивый народ и опять лишь офицеры. . . Все чудесатее и чудесатее.

Кружилин сотоварищи прошли еще дальше, по самой дальней, граничной тярлевской улице, дома которой выходили окнами аккурат на Павловский парк. Особнячки стояли лишь с одной стороны улицы, более напоминающей березовую аллею. С другой стороны вплотную к обочине высилась ограда парка, сваренная из трехметровых металлических прутьев.

Здесь, на аллее, их поджидал пазик с черными военными номерами и незнакомый полковник в камуфляже. Кружилин пригляделся к его петлицам – ФСО. Вот даже как... Всех согнали.

Для начала полковник разбил группу на три отделения, назначил старших и зоны ответственности. Затем заставил всех расписаться под каким-то документом. Кружилин поставил роспись против графы со своей фамилией, мельком глянул на текст. Вчитываться не стал – подписка по двести семьдесят второй форме, отлично ему знакомая.

Серьезные дела... За нарушение такой подписки – от семи и выше, вплоть до пожизненного. Кружилину-то все равно, на нем таких подписок висит, как сосулук на весенней крыше. Но сам факт примечательный, особенно в сочетании с тем, что говорил и не договорил Толик...

Потом они получили оружие, тоже под роспись. Пневматические винтовки солидного калибра. Стреляли они не пулями – не то карпулами, не то мини-шприцами, – короче, чем-то цилиндрическим и пластиковым с иглой на конце.

Иголка втыкается в цель, а тяжелое донце-поршень по инерции движется вперед, выдавливая в кровь содержимое. Дешево и сердито.

– А если я невзначай в нашего пулюну? – невинно спросил Пашка-Дикобраз, подкинув на ладони коробочку с пулями-карпулами; боеприпасы выдали не щедро, каждому стрелку на два выстрела.

Вопрос был не праздный. Дикобраз не блистал на зачетных стрельбах по выскакивающим из-за углов улицы-тренажера мишеням в виде террористов и уголовников. И зачастую вместе с фигурами, изображавшими экстремистов, дырявил и другие, изображавшие законопослушных граждан.

– Он получит антидот. А вы... – полковник замаялся на секунду, бросил быстрый взгляд в список, – а вы, капитан Бурич, получите выговор с лишением премии и неполное служебное соответствие. Еще вопросы?

– Что это и как им пользоваться? – спросил Проничев, вертя в руках свое оружие.

Пневмашки достались не всем. Многие, Кружилин в том числе, получили нечто странное – подобие укороченной донельзя базуки. Ствол короткий, толстый, но стенки тоненькие, сколько-нибудь приличного заряда штука наверняка не выдержит, взорвется.

– Это называется ПМС, – объяснил полковник. – Отставить смехуечки! Портативный метатель сети, ясно? Действует просто: снял с предохранителя – вот так, навел на объект,

нажал вот здесь. Дальнобойность – семь-восемь метров. Заряд один, стрелять наверняка. Еще вопросы?

Вопросов не оказалось, и полковник перешел от оружия к дичи. Выдал три снимка, по одному на каждое отделение, их пустили по рукам, разглядывая. Сам фэсэошник тем временем зачитывал по бумажке приметы, перемежая их своими комментариями:

– Рост сто двадцать сантиметров, телосложение нормальное, шерсть нетипичной окраски, светло-серая. Хвост купирован в районе третьего позвонка... Короче, нет хвоста совсем. Физически развит, ловок, способен быстро перемещаться по вершинам деревьев и крышам зданий... Короче, в поселок прорваться не должен, всем ясно?

Фотография дошла до Кружилина. Ну да, бабуин... Седьмой серии или выше. И это хорошо, челюсти и клыки у зверюг первых серий были ого-го, со стаей таких зубастиков даже леопарды не связываются... А у этого вполне приличная морда лица, у людей порой встречаются более развитые челюсти.

– Владеет речью, словарный запас очень высокий... Но я вам вот что скажу, между нами и без протокола: начнет болтать – не слушайте, стреляйте. А вдруг что услышите – немедленно забывайте. Всем ясно? Продолжим... на чем я там... а, вот... Может быть одет в костюм темно-синего цвета, либо в его остатки. Вот и все приметы... Стрелять только на дистанции уверенного поражения, боеприпасы зря не

расходовать. Пока можете перекурить и расслабиться, загонщики начнут... – полковник взглянул на запястье, – через двадцать три минуты. И вот еще что... Местные предупреждены, чтобы сидели дома и не высывались. А если какой дурак высунется и невзначай рядом с объектом окажется, – пакуйте немедленно. Обоих, и объекта, и дурака. Вопросы есть?

Вопросов вновь не оказалось... На каком основании им паковать случайных свидетелей, глупо спрашивать. Был бы человек, а статью подберем.

Еще глупее спросить: да кем же он был, этот съехавший с катушек бандерлог? Если ловить его загнали чуть ли не всех питерских силовиков? Причем не просто силовиков, а офицеров, имеющих допуск не ниже бэ-четыре?

Подписав двести семьдесят вторую форму, таких вопросов не задают.

Полковник уехал на своем пазике, они остались. Выполняли приказ: перекуривали и расслаблялись. Кружилин не курил, а для расслабухи поведал соседям утренние свои злоключения – начиная с кокоса.

– Разбился кокос-то? – заинтересовался Дикобраз. – Притащил бы с собой, что ли... Точно ведь пожрать не дадут, ни слова полкан про еду не сказал...

Кружилин пояснил, что кокос уцелел, к тому же был не совсем свежий; рассказал и про дедушку, обучавшего пролетариев Африки секретам стахановских методов и тонкостям

социалистического соревнования.

– Лишь того, кто любит труд, негром в Африку возьмут, – глубокомысленно заключил Дикобраз. – Интересно, есть тут продмаг поблизости?

3. Смело, товарищи, в ногу, духом окрепнем в борьбе

Телевидение Егор не любил. Развлекательные программы его не развлекали, ужастики не пугали, комедии не смешили... Смешили, правда, боевики со стрельбой, драками и погонями, но их тоже смотреть не хотелось.

Так и остались бы новости да хроника городских происшествий единственными программами, признанными годными к употреблению. Но как-то натолкнулся на кабельный ретро-канал, сутки напролет крутящий старые фильмы. Цветные показывали редко, один-два за день, а в основном черно-белые, отечественные, первой половины прошлого века. Раз посмотрел, два, и как-то незаметно подсел на это дело.

Так вот, среди тех древностей зачастую попадались фильмы о мужественных революционерах, боровшихся за счастье всем сразу и даром. А с ними, в свою очередь, боролось охранное отделение. Боролось методами, способными вызвать в наши дни лишь умиление...

Наружным наблюдением, сиречь слежкой, в старых фильмах занимались шпики, они же филеры. Наивные такие ребята – все как на подбор с бегающим вороватым взглядом, с усиками, все в котелках, все с тросточками, прямо-та-

ки униформа какая-то, только на груди большой нашивки «ФИЛЕР» не хватает... Естественно, бравые революционеры опознавали шпииков с первого взгляда и дурили их, как хотели. Славные были времена... Жаль, что прошли.

Но Егору отчего-то казалось, что из объективов камер на него пялятся именно такие филеры... Черно-белые. В котелках. С усиками.

...На Сенной проходил очередной митинг, круглосуточный и бессрочный. В защиту кого или против чего митинговали, Егор не знал. Большинство митингующих, наверное, тоже. Да и какая разница? Митинги давно стали обыденностью и играли роль деревенской завалинки. Потусоваться, людей посмотреть, себя показать, со знакомыми пообщаться, бесплатный концерт послушать, угоститься кофе с бутербродами от щедрот устроителей, а затем и рюмочкой чего-нибудь покрепче в кафешке по соседству... И при том ощущать себя человеком с активной гражданской позицией. Борцом, можно сказать, окрепшим духом в борьбе. А против кого или за что нынче объявлена борьба, не так уж важно.

Вечером он оторвался бы в толпе легко и просто. Но поутру митингующих было негусто. Два усиленных патруля на двух концах площади откровенно скучали. Их автозаки смотрелись ненужными и инородными.

Парень в черной кожанке – то ли не по годам лысый, то ли наголо обритый – выкрикивал с эстрады короткие рубленые фразы. Почему-то в мегафон выкрикивал, хотя рядом сто-

или нормальные микрофоны. Свою речь лысо-бритый подкреплял энергичными жестами и вообще пытался, как умел, завести немногочисленную публику.

Публика реагировала вяло. Десятка два слушателей у эстрады нестройным хором откликались на призывы, что-то кричали в ответ. Остальные бесцельно слонялись по Сенной, сбивались в маленькие кучки у лотков с кофе и бутербродами.

Егор не вслушивался в речевки брито-лысого. Неспешно двинулся по площади, влился в броуновское движение, хотя прекрасно понимал: от наблюдения при здешнем малолюдые избавиться не удастся...

Подошел к лотку, где народ роился чуть гуще, чем у остальных. Бесполезно... Объектив камеры совсем рядом, пялится вороватым взглядом усатого филера...

Надо искать другой вариант. Имелась неподалеку большая мертвая зона в проходном дворе, но соваться туда под плотным наблюдением не хотелось... Оторвется, но пару отличных мест таким образом Егор уже спалил и там сейчас красуются новенькие камеры.

Пока он раздумывал, у лысого на эстраде иссяк запас речевок. Он выкрикнул что-то прощальное и свалил вместе со своим обслонявленным мегафоном.

Еще один оратор? Или концертный номер?

Повезло. Следующим шло выступление фемусек. Что внушало надежду...

Группа оказалась из новых, наплодившихся. На приличную студийную фонограмму девчонки не заработали, выступали с живым звуком. Звук оказался поганейшего качества, громадные динамики безбожно искажали что высокие частоты, что низкие. Ни слова не разобрать. Да и не стоило оно того, наверное... Известно, какие из фемусек стихотворцы. Такие же примерно, как певицы.

Броуновское движение на площади приобрело более упорядоченный вид, народ потянулся к эстраде. Потянулся и Егор. Хоть и жиденькая, но все же толпа собирается.

Семеро девчонок в балаклавах били по струнам электрогитар, выкрикивали что-то не мелодичное. И танцевали – если счесть танцем высокое задирание ног, обтянутых разноцветными лосинами.

Торсы у фемусек, разумеется, оказались полностью обнажены, хотя на улице было градусов десять-двенадцать, не больше. Короче, в царство свободы дорогу грудью проложим себе... Если не отморозим ее раньше.

Цель благая, но вот средство для ее достижения подкачало.

Сиськи у выступавших девиц были, как бы помягче выразиться... Егор пытался найти мягкий эпитет, не получилось. Сиськи были. И только. А жаль, в ином случае толпа могла бы собраться погуще...

Лишь одна из фемусек оказалась, по мнению Егора, девкой годной, непонятно как и зачем прибившейся к фемии-

нисткам. Но она, как на грех, держалась позади трех солисток, на подпевке-подтанцовке, да еще и с краю, почти скрытая аппаратурой. Но зрители концентрировались у эстрады так, чтобы получше разглядеть именно эту бэк-вокалистку.

Двинулся туда и Егор. Не пялиться на прелести певуны, разумеется. Гораздо больше его интересовали те, кто пялился сейчас на него. Он затылком ощущал липкие взгляды филеров... Вот так, пожалуй, хорошо. На дальние камеры плевать, а в кадр ближайшей попадают спина и затылок Егора в окружении других спин и затылков. И эстрада попадает, что важнее.

Исполняемая фемуськами композиция подходила к концу. Холодновато все же для таких выступлений. Все участницы группы двинулись вперед, к самому краю эстрады.

Егор потянул вниз молнию куртки, вынул из внутреннего кармана мобильник, нерабочий, как раз для таких реприз предназначенный. Вполне замотивировано, многие парни снимали выступление.

Фемуськи выдали нечто громкое и финальное, все разом подпрыгнули, подняв над головами руки. И в этот момент Егор уронил мобильник. Матернулся, нагнулся... Никто из окружающих на него не глядел.

Хотелось надеяться, что у экранов наблюдения дежурили все-таки мужики... И хотя бы на секунду-другую отвлеклись на крупный план фемуськиных прелестей, подпрыгнувших вместе с владелицами.

Двух секунд Егору вполне хватило. Сдернул куртку, вывернул наизнанку, мгновенно натянул снова – отрепетированными, выверенными до микронов движениями. Снял бейсболку, скомкал, пихнул в карман. Все делал на ходу – одновременно быстро смещался влево, буравя толпу, по-прежнему согнувшись, скрываясь за спинами. Мобильник подобрал, пригодится.

В нескольких метрах – и в зоне наблюдения другой камеры – из-за спин зрителей вынырнул уже иной человек. Куртка не просто изменила цвет, но и выглядела теперь более молодежной. Пластику движений Егор тоже постарался изменить: стал двигаться более энергично, подпрыгивал, размахивал рукам – точь-в-точь как собравшийся вокруг молодежь. В общем, если смотреть со спины – помолодел лет на пятнадцать. А то и на двадцать.

Фемуськи раскланялись, затем вновь подпрыгнули и повторили свой финальный вопль, – и убежали отогреваться. Публика похлопала, но без фанатизма. На эстраду колом выкатился ведущий митинга – низенький, краснощекий, весьма упитанный, – и начал представлять очередного народного трибуна.

Толпа редела на глазах, многие вообще уходили с площади. Ушел и Егор, не стараясь обойти патрульных, прошагав совсем рядом. Кайманы смотрели своим обычным, ничего не выражающим взглядом. Патрульные-люди равнодушием соперничали с пресмыкающимися коллегами.

Оторвался?

Скорей всего, да. Но лучше подстраховаться. Теперь можно и во дворы, в мертвую зону. Для полной гарантии.

4. Мартышка к старости слаба мозгами стала

– Зачем нам приметы бандерлога? – поинтересовался Кружилин. – Один ведь, наверное, тут такой... Все-таки не город, помоек нет, старушки жалостливые тоже не подкармливают.

Вопрос прозвучал риторически, но Дикобраз тут же откликнулся:

– Х-хе, один, скажешь тоже... Ты что, в парке здешнем давно не бывал?

– Давненько... – признал Кружилин. – С курсантских времен... С шестнадцатого года, или с семнадцатого, когда они тут юбилей Павловска справляли...

– Вот-вот. А нынче в парке бандерлогов – тьма. Ну, может не совсем тьма, а просто все они вдоль самых людных аллей трутся. Туристы и рады: фоткают, видео снимают, бананы дают... Внутри, недалеко от главного входа, даже ларек специальный есть – бананы, ананасы, прочие финики. Чтоб было чем угостить, значит.

– Понятно. Раньше белок здесь так кормили, с ладошки.

– А белки того... не осталось белок... Да и птиц совсем мало теперь. Видать, с одних бананов сыт не будешь.

Едва разговор свернул на еду, кружилинский желудок

вклинился в него со своей безмолвной и возмущенной репликой: что за дела, хозяин, где моя законная утренняя порция?!

Кружилин полез в карман, достал фляжку – плоскую, металлическую. Из другого – три стопочки-наперстка, вложенных друг в друга. Подозвал коллег. Утро холодное, неплохо бы согреться.

Пашка-Дикобраз все понял с полуслова, а Проничев протормозил – стоял, держа свой ПМС, как женщина держит младенца, с задумчивым видом глядел куда-то вдаль... И отреагировал только на второй оклик.

Выпили, закусили, раскулачив карман майорской куртки, там оказались бутерброды с ветчиной.

– Хороший коньяк, – сказал Дикобраз.

– Дагестанский, – сказал Кружилин.

А майор Проничев сказал нечто странное:

– Водки бы сейчас...

– Ну и вкусы у тебя, Сергеич... – покачал головой Кружилин. – Водка после коньяка... фи...

– Как отстреляемся, я сбегаяю? – вкрадчиво предложил Дикобраз.

– И не мечтай, – отрезал майор. – Я о другом... Вспомнил прадеда... У него день рождения сегодня... Я когда мелкий был, бабка каждый год сюда всю семью вывозила в этот день.

– Сюда – это в парк? – Дикобраз кивнул направо. – Или в Тярлево? – Он кивнул налево.

– Не совсем... Но тут неподалеку, километра два. Памятник там над братской могилой, оборонявшим Ленинград в сорок первом... Бабушке тринадцать лет было, когда прадед в дивизию народного ополчения пошел. А ему – сорок семь, старый уже, близорукий, и вообще больной, еще в империалистическую воевал, газами надышался... Но пошел, добровольцем. Здесь почти все и легли, под танками. Даже могила только такая осталась, братская. Одна на всех. Любила она своего отца, бабушка... Выпьет водки сто грамм, ржаным занюхает, – и сидит там, у обелиска, о чем-то с ним мертвым говорит, губы шевелятся, а ни слова не слышно... Такая вот была семейная традиция. Потом забылась как-то. После бабушкиной смерти разок-другой съездили, а затем то дела, то еще что... А я вот стою сейчас и думаю: прадед тут с «тиграми» воевал, а мы с мартышкой сбрендившей... Тьфу.

Кружилин хотел сказать, что в сорок первом у немцев «тигров» еще не было, но не сказал. Потому что прав Проничев, как ни крути. Богатыри не мы...

Их неторопливый разговор прервали, – командиры отделений разогнали всех по местам, Дикобраз оказался метрах в пяти правее, Проничев еще дальше, тут уж не до душевных бесед.

Вдалеке слышался собачий лай, а за деревьями парка и впрямь ощущалось какое-то движение. Но что именно происходило, пока разглядеть не удавалось. Парк здесь – в отличие от той его части, что окружала Павловский дворец – вы-

глядел как лес, лишь чуть-чуть облагороженный рукой человека: аллеи редкие, деревья растут сами по себе, как им от природы и полагается. Но вплотную к ограде березки и елочки не подступали, отделенные луговиной в несколько десятков метров шириной. Чуть в стороне луговину наискось пересекал небольшой пруд, примыкая одним берегом вплотную к ограде.

Кружилин, сжимая свой ПМС, разглядывал диспозицию, прикидывая, откуда могут появиться уходящие от загонщиков бандерлоги. А у самого вертелась в голове довольно-таки бредовая мысль. Что сейчас среди полуоблетевших ветвей замелькают не хвостатые силуэты мартышек. Что оттуда, из парка – ломая деревца и сминая подлесок – выкатятся лязгающие громадины Pz-III и Pz-IV, а за ними развернувшиеся в цепь танкер-гренадеры...

Бред, конечно же, вызванный отчасти рассказом Проничева, отчасти несколько противотанковым видом ПМС.

Среди деревьев показались бандерлоги. Небольшая группа, голов семь-восемь.

Двигались обезьяны по ветвям, в нескольких метрах над землей. Лихо перескакивали с дерева на дерево... Когда деревья закончились, небольшая стайка разделилась.

– Это ж он! – возбужденно прокричал Дикобраз. – Бля буду, он!!! Бесхвостый!

Бандерлоги не колебались, не петляли, пытаясь сбить погоню со следа. Быстро и по прямой почесали к ограде. При-

чем не кучей, а веером, словно каждая обезьяна наметила для прорыва свою точку периметра и стремилась вырваться именно там.

И – прав оказался Дикобраз – одна из зверюг отличалась от остальных размерами, окраской и отсутствием хвоста. Даже какая-то тряпка развевалась за ней на бегу, остаток темно-синего костюма, надо полагать.

Несся бесхвостый бабуин прямо на Кружилина. Вот повезло-то... Хотя после кокоса и пробки на рассветном Витебском в самый раз, в масть.

Он стиснул ПМС, навел на обезьяну. Стрелял Кружилин неплохо, не чета Дикобразу. Но метатель сети – оружие непривычное и не опробованное.

И тут же он понял, что зверюга выйдет к ограде чуть в стороне, как раз там, где стоял Дикобраз. Телепат бесхвостый... Вычислил слабое звено в цепи.

Пневмашка хлопнула, когда до бандерлога оставалось метров десять. Попал Дикобраз или по обыкновению промазал, Кружилин не понял. Аллюр зверя не изменился, бабуин несся с прежней прытью.

Добежал до ограды и ловко, очень быстро полез наверх.

Дикобраз матерился, переломив пневмашку и пытаясь ее зарядить, – ничего не получалось, не то карпулу перекосило, не то руки дрожали от волнения.

Кружилин не спешил с выстрелом, дожидаясь, когда обезьяна окажется на гребне ограды – чтобы прутья не помеша-

ли сети развернуться.

Он недооценил бандерлога. Или переоценил свою скорость реакции, неважно. На гребне бабуин не задержался ни на долю секунды. Раз! – и сиганул на березу, словно подброшенный катапультой. Через мгновение стрелять сетью в густое скопление ветвей стало бесполезно.

Слева и справа подбегали, несколько раз хлопнули пневмашки – уже от беды, от отчаяния, березы на аллее росли высокие, а бандерлог взмахнул почти на вершину. Шанс, что пуля-шприц найдет к нему дорожку сквозь мешанину сучьев и листвы, был исчезающе мал.

Если бы бабуин двинулся вдоль аллеи, по-прежнему оставаясь в верхней части крон, мог бы уйти далеко. Но сбрендившее существо не стало искать оптимальных путей.

Прыжок – бандерлог перелетел на второй ряд берез. Если и не как птица перелетел, то уж как белка-летяга точно. Прыгучий, зараза.

Сбитые прыжком листья летели к земле медленно, кружась. Это зрелище вкупе с карабкающимся к вершине бандерлогом почему-то породило у Кружилина дикое чувство нереальности происходящего. Бывают такие моменты в бредовых сновидениях – когда с радостным облегчением понимаешь: всё не взаправду, кошмар, сон, откроешь глаза и всё закончится...

Он крепко зажмурился. Снова открыл глаза. Не закончилось ничего. Так же вокруг толпились подбежавшие охотни-

ки. Бандерлог так же оставался на березе.

Недолго, впрочем, оставался. Еще прыжок – и бесхвостый грубо нарушил границы частной собственности. Осуществил несанкционированное вторжение. Проще говоря, перемахнул на ближайший участок, пролетев над низенькой оградой из дикого камня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.